

Известия. — 1995. — 20 янв. — с. 8.

ЯВЛЕНИЕ АВАНГАРДА

перед столичной публикой

Авангард Николаевич Леонтьев в кино снимался мало, на телевизионном экране мелькает редко. Однако для театральной Москвы имя это значит очень много. Леонтьев — ведущий актер театра «Современник», руководитель курса актерского факультета Школы-студии МХАТ, артист театра под руководством Олега Табакова, режиссер-педагог на фильмах Никиты Михалкова. И если в театральных кулисах заходит речь о профессиональном мастерстве и профессиональной порядочности, неизбежно говорят — Леонтьев. Он в некотором смысле — олицетворение этих понятий.

Спектакль «Нумер в гостинице города №№», в котором играет Леонтьев (см. фото), опять обосновался в Манеже, его можно увидеть несколько раз в месяц, ближайший день — 22 января. Постановка Валерия Фокина сразу была замечена публикой, удостоена уже «Хрустальной Турандот». Сейчас эта работа выдвинута на соискание Государственной премии России.

...Небезызвестный господин Чичиков проживает в гостинице три дня, а будто представляет целый век русской жизни. Актер Авангард Леонтьев так щедро и сочно играет покупателя мертвых душ, что его работа по праву претендует на одну из лучших мужских ролей театрального сезона.

Авангард Леонтьев — наш собеседник.

— Авангард Николаевич, после спектакля Валерия Фокина «Нумер в гостинице города №№», где вы сыграли Чичикова, о вас громко заговорили — критики, телевидение, прочая «широкая общественность». Не кажется ли вам, что произойти это должно было намного раньше — скажем, во времена «Квартиры Коломбины» и «Стены»?

— Ни для кого не секрет, что критикам в те самые времена кое-чего замечать не разрешалось. И в это «кое-что» входили несколько «современниковских» спектаклей. Например, «А поутру они проснулись» Василия Шукшина. Пьеса очень смешная, глубокая, с прекрасными диалогами — и ни одной рецензии. У меня студенты иногда спрашивают о какой-нибудь запрещенной пьесе: «Что же там можно было запретить?». И в самом деле, по сегодняшним меркам, ничего.

Впрочем, актеру гораздо важнее, чтобы его замечали не критики, а режиссеры, ибо именно они обеспечивают нас работой. Хотя, конечно, после четверти века, безвыходно проведенных в театре, слышать о себе как о «начинающем» или «начинающем получать извест-

ность» субъекте довольно странно. Я думаю, то, о чем не написала критика, ничуть не хуже того, о чем она написала.

— Скажите, пожалуйста, а работа с Валерием Фокиным над «Нумером...» дала вам что-то новое?

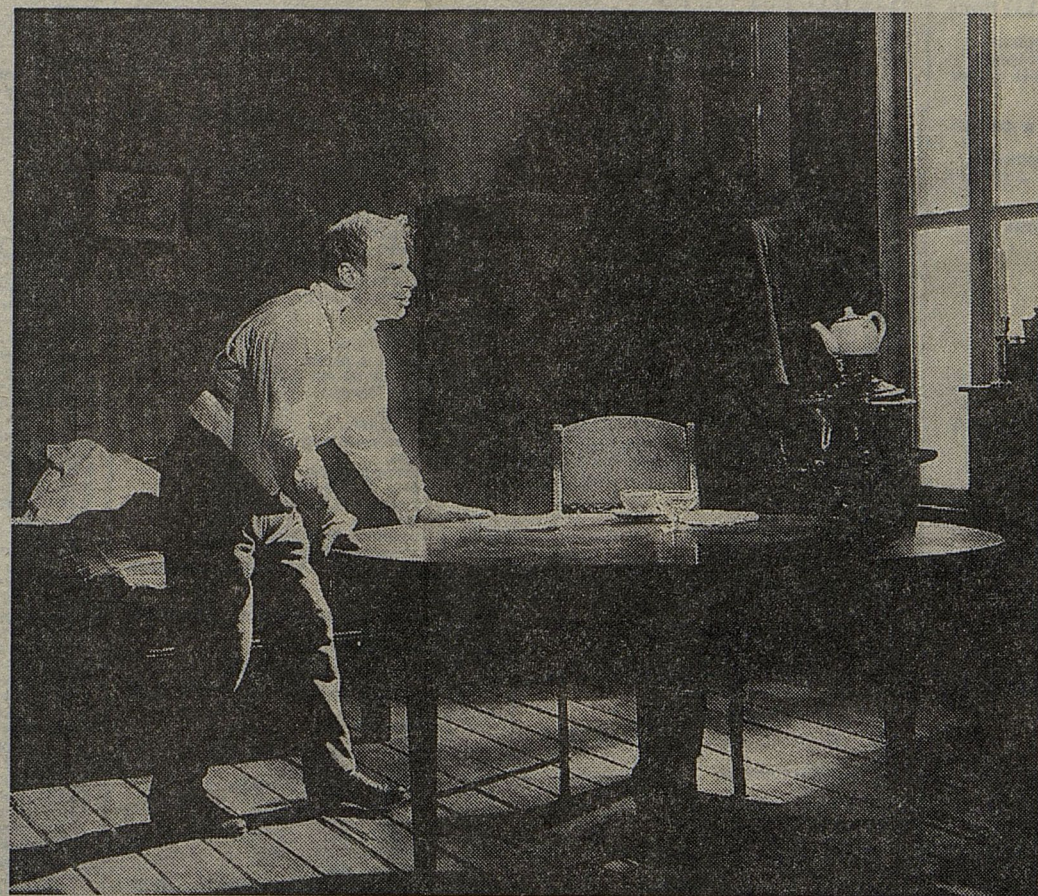
— Я старался работать как обычно, то есть делать все настолько хорошо, насколько я умею. Хороший же режиссер всегда знает, как скорректировать актерскую работу в правильном, то есть нужном ему направлении. Что касается «Нумера...», то возможности здесь мне были даны грандиозные — в первую очередь самим автором «Мертвых душ», который в образе Чичикова синтезировал очень много характерных черт национального русского менталитета. Фигура эта не только для литературы, но и для России очень важна — ведь есть люди, которые не читали «Мертвые души», но знают, что существует Чичиков. Не все, конечно, читали «Теркина», но все знают, кто это такой.

— Пришлось ли вам от чего-то избавляться в процессе подготовки к спектаклю?

— От жирной игры, от жирных красок — в этой работе к ним не прибегали. Спектакль состоит из череды этюдов на тему чичиковского одиночества. Это Чичиков наедине с самим собой, в то время как традиционный Чичиков — это гид по галерее прекрасных гоголевских помещиков. В этой постановке ни Коробочки, ни Ноздрева, ни Манилова, ни Собакевича нет. Они присутствуют незримо — в стихии спектакля.

— Говорят, что жить в театре — это целая наука. Вы умеете жить в театре?

— Я в театр хожу, как домой. И в этом самое большое его достоинство. Ощущение домашней свободы — ощущение вообще уникальное. А если оно появляется, что называется, «на рабочем месте», так это и вообще чудо. В «Современнике» чудо это происходит постоянно — по крайней мере мне так представляется. Видимо, те, кто создавал этот театр, так его зава-

рили, что человек всегда приходит сюда с удовольствием, то есть, исключительно ради творчества. Мне приятно общаться с людьми, которые здесь работают: несмотря на прошедшие десятилетия, в этом здании сохранился начальный искренний дух.

И потом наш художественный руководитель Галина Волчек не обладает, как мне думается, склонностью к театральным интригам.

— Лия Ахеджакова утверждает, что вы очень приятный партнер на сцене. А у вас самого есть любимые партнеры?

— В нашем театре прекрасный актерский ансамбль, и мне с очень многими партнерами интересно играть. Просто с одним играешь чаще, с другим реже.

— Ходят упорные слухи, что вы — самый пунктуальный человек на московском театре. Никогда не просите займы, всегда сами одалживаете. Никогда не опаздываете, никогда...

— Это все преувеличение. Мне трудно не опаздывать: я всегда бегу и появляюсь в театре совершенно мокрым. Есть куда более дисциплинированные актеры. Костя Райкин, например, — он вообще заранее приходит. Что же касается денег, то и мне приходится занимать. Другое дело, что я стараюсь отдавать. Впрочем, одалживаться я на самом деле не очень люблю — боюсь забыть, кому сколько должен.

— Хорошо. Быть может, и то, что вы строгий педагог, не совсем правда?

— Я строгий, да. Но строгий потому, что я с человеком, который пришел учиться, должен решить вопрос: может он заниматься этой профессией или нет. Во-первых, по таланту. Во-вторых, по умению этим талантом владеть и его вовремя применять. Есть люди способные, но, положим, выпивают — таким образом, график применения та-

ланта у них нестрогий. В этом смысле я человек принципиальный. Я полагаю, что если студент начинает учиться, то с самого начала должен решить для себя: сможет он иметь в выбранном деле перспективу или нет?

— Авангард Николаевич, если некто — Актер, или Режиссер, или Руководитель — попросит вас взять к себе на курс какого-нибудь бесталанного человека, вы возьмете?

— Нет. И уже много раз так было. Я не хочу мучить человека, он должен чувствовать себя в своей тарелке. Ведь, кроме того, что я строг со студентами, я еще и люблю их — и полагаю, что ни один молодой человек и ни одна молодая девушка не заслуживают тяжелой судьбы неудачника в профессии. По крайней мере я не хочу быть виновником их разочарований.

Эдуард ДОРОЖКИН.

Фото
Кристиана АЛТОФЕРА.